

Вспоминая Юрия Дынова: из калейдоскопа памяти

С юности люблю оперу. Оперетта же не входила в круг моего зрительского внимания: отталкивали штампы увиденного на теле- и киноэкране, услышанного в радиопередачах и грамзаписи. Вот почему годами не переступал порог Одесского театра музыкальной комедии, куда буквально ломилась публика. Конечно, не мог не слышать о кумире почитателей жанра — Юрии Дынове, но относился к этому скептически, априорно думая о нем как о "душке", "помадной конфетке" для экзальтированных зрительниц.

Впервые увидел Юрия Зиновьевича в университетском Кабинете искусств, где оказался случайно, — по настойчивому совету доцента Б.Я. Барской. Дынов читал здесь свою пьесу о Пушкине. Ничего хорошего не ожидал, но пришел, если честно, лишь из уважения к Берте Яковлевне. Минут через 5-10 Дынов, сам того не ведая, не только преодолел мой скепсис, но и буквально взял меня в плен. Поборов смущение, поблагодарил его в конце встречи и неожиданно для себя пошел за ним, как за легендарным героем, удивившим зачарованных звуками своей дудочки. Но если тот вел к беде, то Ю. З. — в свой театр: "Ты (сразу "ты". — **В. М.**) никогда не был в оперетте?!". И он привел меня в зал того старого здания, которое ностальгически вспоминают вот уже третье десятилетие многие артисты и зрители.

Там уже шел "Севастопольский вальс", где меня сразу захватила искренностью Л.И. Сатосова — Любаша. Заметив это, Дынов улыбнулся и... растаял: его ожидали какие-то важные дела. Со мной осталась его полуулыбка. Так он щедростью своего человеческого таланта подарил мне еще один источник радости, а оперетте — еще одного почитателя (у нее, правда, проблем с этим не было).

В следующий раз мы случайно встретились в Доме актера. Ю. З. подошел ко мне как к старому знакомому и начал: "Ты...". Я не без смущения отвечал на его вопросы, конечно, употребляя "вы": разница в годах, любимец зрителей, а главное — Артист (это ощущение пришло сразу и навсегда).

Дынов на меня обиделся: "Зачем "вы"? Говори мне "ты"!". Было трудно преодолеть себя, и я прибег к безличной форме. Он это быстро уловил и заставил меня несколько раз кряду произнести "ты" и "Юра".

Позже он подарил мне еще и приобщение к таинству репетиций, при-ведя на прогоны мюзикла "Обещания, обещания", который у нас интерес-но ставил киевлянин Э.М. Митницкий. Познакомил с М.Г. Водяным (тот, в отличие от Юры, держал дистанцию), с М.И. Деминной, Л.И. Сатосовой, С.С. Крупником, В.М. Алоиным. Увлеченно рассказывая о мастерах, Юра попросил написать статьи о Семене Самойловиче и Викторе Михайлови-че в связи с их юбилеями, о новой премьере. Последний материал опубли-ковали не только в Одессе, но и в Москве. Юра в спектакле занят не был, но радовался успеху коллег. Признаюсь, меня удивило, что он просил теп-ло написать о коллегах по театру (о себе — никогда, даже уклонялся). Та-кое было со мной впервые. Да и позднее не повторялось. Дынов был чуток к таланту других, а к себе, как мне казалось, относился не слишком серье-зно. Нет, он знал себе цену, но его не отпускали неудовлетворенность, со-мнения — спутники истинного таланта. Наверное, Юра не был лишен тщеславия, но я не замечал признаков этого.

При внешней открытости в нем ощущалась непрерывная работа мыс-ли, самоуглубленность, нервная напряженность. Он легко увлекался, от-кликаясь на талантливое, даже на проблески таланта, старался, чтобы из малейшей искры возгорелось пламя.

Он был не просто неравнодушен, — он сжигал себя повышенной эмо-циональностью. И еще удивлял доверчивостью: казалось, он верил почти всему, что ему говорили. Рассказывал о себе нелিপчатые вещи, не за-ботясь о впечатлении. Я думал: со всеми ли он таков? До сих пор не знаю точного ответа на этот вопрос. Он не хотел выглядеть лучше, чем есть (а ведь этим грешат почти все), ничего не "изображал", в отличие от мно-гих, причастных к искусству.

За него было страшновато: ведь если человек так открыт, то при его очевидной ранимости это просто небезопасно — доверчивостью могут воспользоваться. И на моей памяти подобное случилось. Энергичный журналист разговорил Юру на сложную, болезненную тему и записал его рассказ на пленку, обещая использовать только то, что Дынов разрешит. А опубликовал все, что хотел. Как страдал Юра! (Не знаю, сколько здесь нужно было бы поставить восклицательных знаков.) Помочь ему оказа-лось невозможно: существовала пленка. Правда, журналист не назвал фа-милию Юры: он написал об "одном старом артисте". Но когда в театре Юру спросили, кто давал злополучное интервью, он сразу признался, хо-тя ему было просто избежать неприятностей, ответив: "Не знаю". Не за-хотел или не смог?

Здесь же хочу уточнить. Даже тогда, когда Юра был в солидном возрасте и очень больным, я не воспринимал его старым. Внутренняя энергия, свежесть чувств как бы закрывали морщины, седину, физическую слабость. Для меня он был человеком вне возраста, как, например, С.Я. Лемешев, Ф.Г. Раневская, Т.И. Шмыга. Это — удел избранных.

В нем удивляло многое. По крайней мере, внешне он несерьезно относился к себе, своему творчеству. Сорил стихами: не всегда записывал, иногда терял. Не шлифовал, возможно, потому что не был уверен, что это кому-то особенно интересно. Обидно, что многие его стихи пропали. Но я рад, что сумел сохранить, а также разыскать у других 19 стихотворений Юрия Дынова. (В процессе поисков родилась мысль о книге: личность и творчество Юры не должны быть преданы забвению, а ведь среди сегодняшних зрителей немало таких, которые даже не знают, кто такие Водяной, Дынов, Сергиенко... Есть материал на книгу, но, увы, нет спонсора.)

Пока не удалось найти сценарии бенефисов коллег, которые щедро, безвозмездно писал для них Юра. Помню, что он от имени своего театра приветствовал на торжественном спектакле "Паяцы" замечательного оперного певца заслуженного артиста УССР Нила Топчия. Приветствие было стихотворным, его наверняка написал он сам. Попытки отыскать этот текст пока тоже не увенчались успехом (может быть, кто-то из наших читателей поможет отыскать след?). Не сумел найти и его сценарии для двух филармонических программ.

Его стихи были почти всегда талантливы, но, по-моему, не всегда безупречны: их надо было совершенствовать. Его же интерес к сделанному угасал. Возможно, еще и потому, что на выходе были уже новые стихи.

Подчас он побаивался читать эпиграммы адресатам: герои были узнаваемы, даже если не упоминались их имена. Но многие не узнавали себя (хотя легко узнавали других!), как не узнают в записи собственный голос, как недовольны своим изображением на фотографии, кино- или телеэкране. Дынов был точен, как Валентин Гафт, но добрее, лиричнее что ли.

Он сорил идеями, хотя пишущие обычно этого не делают, опасаясь конкурентов. Так, например, открыто говорил о пьесе "Шут Балакирев", которую он, к сожалению, не сумел завершить (благо, сохранились стихи "балакиревского цикла"). Много позднее московский театр "Ленком" поставил одноименную пьесу Григория Горина. Наверное, Юра был бы рад, доведись ему узнать об этом.

...Получил от Юры большой подарок — знакомство с "леди жанра" Татьяной Шмыгой. Впрочем, это отдельный рассказ, а сейчас только вспо-

ню, как галантно, рыцарски он приветствовал ее, опустившись на колено, как радостно она отвечала ему, артисту во всем. Их роднило редкое обаяние таланта.

Он вообще умел дарить людей друг другу — редкое качество, присущее только щедрым талантливым людям.

Мне всегда казалось, что "беспокойный дух" — это и о нем. Он не знал душевного покоя, не умел расслабляться, отдыхать. Жил тревожно, в ожидании неприятностей. Был мнителен. Наверное, отчасти потому что предчувствовал большую беду (болезнь Паркинсона), которая позднее действительно пришла и мучила его около двух десятилетий, разрастаясь и постепенно отнимая жизнь.

Он умел слушать, воспринимать собеседника. Был чутким, благодарным зрителем. Мне рассказывали, что Юра плакал на спектакле оперы Аркаса "Катерина", когда заглавную роль исполняла Р.М. Сергиенко. Дынов бросился за кулисы благодарить замечательную трогательную певицу — актрису. (Знакомясь с дневником Раисы Михайловны уже после ее трагически раннего ухода, я прочел ее признание: "На каждом спектакле реву...".) Прибегал в оперный на "Мазепу", чтобы прослушать "Колыбельную Марии" в исполнении Галины Поливановой.

Юра щедро ободрял молодых. Так, Станиславу Ковалевскому, артисту следующего поколения, он подарил экспромт: "Даже в сером ты не сер, потому что в сердце сэр". Такое полущутливое признание Мэтра остается навсегда, согревая и воодушевляя.

Мудрость проникновения в человеческую психику подчас сочетается у артистов с непосредственностью, даже детскостью. Однажды Дынов рассказал мне о таком эпизоде. Для большей мужественности своего героя (если не ошибаюсь, речь шла о "Вольном ветре") молодой худенький Юра использовал небольшие ватные накладки на плечах. Михаил Водяной по ходу действия, положив руку на его плечи, как бы невзначай сдвигал накладки, не без удовольствия дезавуируя мужественность партнера. Юра не раз пытался воззвать к совести — безрезультатно, мизансцена повторялась. И он был вынужден перед одним из спектаклей подложить раскрытую булавку в накладку. Больше Водяной на сцене с ним не экспериментировал.

Никогда не ощущал в Юре недоброжелательства. Мне казалось, что он никому и ничему не завидовал, даже молодости, с которой трудно расставаться, когда она уходит к другим, покидая тебя навсегда.

Легко отдавал все, что у него было, легко одалживал деньги. Не врал,

не прибеднялся, удивляясь человеческой скупости: "Зачем? С собой не унесешь...".

Он удивительно влиял на окружающих, помогая людям чувствовать себя лучше. По-моему, рядом с ним даже весьма пожилые женщины ощущали себя девочками. (Раневская писала мне, что больно, когда тебе 81, а хочется ощущать себя 18-летней. "Старость — это невежество Бога", — заметила она.)

Юра был чуток к чужой боли. Когда умер мой отец, он пришел к нам после похорон и буквально на глазах добрым словом, теплым дружеским прикосновением смягчил горе матери. Она поверила его словам утешения и даже чуть посветлела.

Он баловал своего сына, разрешая ему практически все. Объяснял это тем, что опасается закомплексовать ребенка. Юра хотел, чтобы сын развивался гармонично, раскрывая все свои таланты. Я пытался отрезвить его. Он меня не понимал. Легко прощал сыну естественный эгоизм молодости. Он вообще умел прощать и ближним, и дальним.

Дынов щедро делился опытом с коллегами. Молодой талантливой актрисе Н. Э. говорил: "Как ты ходишь? Кого ты стесняешься? Ты — актриса, тебя должны хотеть". И учил ее, как нужно идти, слегка покачивая бедрами, улыбаться чуть загадочно и даже постреливать глазами.

Я тогда впервые осознал, что он глубинно прав, и не нужно отмахиваться от нерафинированной правды. Признаюсь, мне и сегодня непросто было решиться рассказать об этом эпизоде, но неожиданно помог авторитет Армена Джигарханяна. В одном из недавних интервью он сказал: "Артист не может быть вещью в себе. Он должен выйти, и его должны захотеть — таков закон сцены".

И самого Юру хотели или, скажем более сдержанно, желали, толпы поклонниц, осаждавших театр, одолевавших кумира на улице, не только воодушевляя, но мешая нормально жить и ему, и его близким. Он понимал неизбежность этого. Боялся невольных обид коллег, обделенных таким вниманием. Не разрешал выносить на сцену корзины цветов. Им недоставало места в гримуборных, их выставляли в коридор, а "друзья", проходя по коридору, "случайно" переворачивали их. Он не обижался.

Юра умел подать себя на улице: модный плащ, многим памятная белая шляпа, красивый костюм. Все слегка небрежно, даже чуть неаккуратно, но на редкость естественно. В нем ощущался артист, но никогда — поза.

В упоминавшемся интервью Армен Борисович говорит, что у него "нет зуда премьер, рецензий". Сколько артистов страдают этим недугом! И чем

менее значимы они творчески, тем глубже эта болезнь. Юру не задевали подобные, по сути, мелочи. Мне казалось, что он вообще был равнодушен к официальным знакам внимания. Юра мог выйти на сцену даже в третьем составе, но это не мешало ему установить контакт с публикой. И достигать его он мог на самом скромном драматургическом материале. Для успеха Дынову не нужно было проекции на свою работу достоинств персонажа или даже мастерски выписанной сценической ситуации.

Вы, уважаемый читатель, наверное замечали, как нередко аплодируют после спетой арии Штраусу, Бизе или Масканьи в большей мере, чем исполнителям: срабатывает эффект узнавания прекрасного, перекрывающий несовершенства интерпретации. Успех Дынову обеспечивал его Талант, который подчас даже преодолевал недостатки "оригинала".

Он не боялся соперников (как эта болезнь распространена в мире искусства!), может быть, потому что у него их просто не было даже среди самых талантливых коллег. Как ни странно на первый взгляд, их нет у него по сей день, спустя почти два десятилетия после ухода Дынова со сцены: он оставил после себя вакансию "героя" в сердцах тех, кто видел его. Часто приходилось слышать после нынешних спектаклей (называть их не стану, чтобы ненароком никого не обидеть): "Это не то! Вот у Дынова..."

Он был поразительно чуток. Когда Юра уже тяжело болел, мы с женой зашли в его дом. Юрины руки — нет, не лежали, а тремолировали на столе. Видеть это было больно. Моя жена стала инстинктивно гладить их. Он благодарно положил поверх ее рук свою голову. И нам показалось, что руки Юры если не успокоились, то, по крайней мере, стали значительно менее беспокойными...

Я приходил к нему днем, когда он оставался совсем один. Ему уже очень трудно было самому даже принять лекарство: мешало сильное дрожание рук. Он переживал, что огорчит жену, если забудет принять дорогое с трудом добытое лекарство или — не дай Бог — пролетит его, либо таблетка упадет на пол. Радовался советам, как преодолевать сопротивление организма совершению самых простых действий. Трогательно благодарил за любую помощь. Сердце обливалось кровью, когда видел это.

Не раз он говорил: "Неужели я так грешен, что Бог, наказав тяжелой унижительной болезнью, не хочет забрать к себе? Невыносимо заедать век ближним: они же не виноваты ни в чем..."

Но и в этом состоянии его посещала муза. Рождались хорошие стихи.

Юра очень огорчился смертью З.Г. Дьяконовой. Он посвятил ей отличное стихотворение. Я уговорил Юру прочесть его в Доме актера на со-

брании Театрального общества, посвященном памяти Зинаиды Григорьевны. Юра стоял у сцены вполоборота к залу, почти вцепившись в кафедру. Он в последний раз в жизни встречался с публикой. В стихах Юры речь шла о номере телефона З. Г. — "телефона доверия". (Ей он неоднократно читал фрагменты пьесы, новые стихи.)

Его спасала от отчаяния последняя возможность — творчество.

"Лишь ты один, мой стих крылатый,
Меня выводидь из пике".

Горжусь его автографами:

"Лучшему другу в лучшей роли" (на фотографии он — Эдвин), "Ты — мой праздник". Писать ему было очень трудно: буквы выведены дрожащей рукой, плохо приставлены одна к другой. Писал он долго, каждая буква тяжело давалась ему.

Я не настолько наивен, чтобы принимать эти Юрины слова буквально. Наверное, он мог так написать не только мне. Конечно, в его посвящениях была и экзальтированность артиста. Его слова лишь значат, что я не был безразличен ему и сумел хоть немного облегчить его существование в тяжелые минуты. К сожалению, у него таких минут было много, слишком много...

Признаюсь: я не знал Юру в годы его актерских триумфов, но мне повезло прикоснуться к Таланту, Личности.

Дважды я сумел невольно удивить его.

Впервые, когда спросил: "Юра, пьеса о Пушкине — это и о тебе?". Он вздрогнул: "Как ты догадался? Я никогда бы не написал ее, не доведись мне страдать". (Позднее я нашел у Андрея Миронова: "Человеческая драма, горе обогащают в нашей профессии... Это ужасно".)

Во второй раз: "Почему ты сам не сыграл Пушкина?". Юра: "Я мечтал об этом. Знаю, что был бы хорошим Пушкиным, но не мог обидеть Володю Наумцева, репетировавшего эту роль. Он понимал, что это его звездный час, и пригрозил мне, что покончит с собой, если я буду играть Пушкина даже в очередь с ним".

Артистическая душа Юры приняла эту угрозу всерьез: он был мудр и наивен, эгоистичен и альтруистичен одновременно. Он умел Сочувствовать и Сопереживать. И отступил, совершив, по-моему, подвиг. И самую большую артистическую ошибку.

Он был Артистом и оставался им всегда, независимо от своего формального статуса.

...Юра в больнице. Пришел его проведать. Просит написать статью об одном артисте. Отказываюсь: не могу. Он пишет сам, считая это своим

долгом перед коллегой, отмечающим юбилей. Обстоятельства складываются так, что Юра не может опубликовать материал под своим именем. Легко дарит статью другому очень известному человеку, за подписью которого она появляется на свет. Юра не ревнует к успеху.

Он умел в каждом человеке, даже самом плохом "в общем мненьи", найти что-то хорошее, достойное похвалы. Не брал на себя роль судьи, имеющего право на приговор. Не любил осуждать. А ведь нередко, хуля других, человек возвышается в своих глазах, наивно полагая, что возвышается и в глазах других.

Ни разу не слышал от него чего-то недоброго, предосудительного о его женах. Перед каждой считал себя виноватым, жалел их. Сочувствовал. И винил себя за многое.

Мне казалось, что для него не были особо существенными знаки официального признания. Никогда — при мне, по крайней мере, — не гордился тем, что "заслуженный". Это звание он носил по праву, но с иронией вспоминал отнюдь не творческие обстоятельства, сопутствовавшие его присвоению. Не сожалел, что не удостоился "народного", хотя был одним из самых популярных артистов в городе. А может быть, именно поэтому.

В нем непрерывно происходила работа мысли. Он жил созиданием.

Чурался похвал. Не нуждался в лести, этой вечной подпитке многих артистов. Мне всегда казалось, что он всему знал цену, но не стремился говорить об этом.

Я много думал о том, почему Юру так любили зрители. И, кажется, ответ нашел у Михаила Чехова: "Публика всегда, сознательно или бессознательно, за образами, созданными актером, видит того человека, который этот образ создает, оценивает его. И от того, приняла или не приняла этого человека, зависит возможность возникновения и сам характер связи между актером и публикой".

Наверняка я смутил бы Юру патетикой, но не могу не сказать, что он дарил себя людям в каждом герое, в каждом стихотворении, в своей уникальной пьесе. Ему было что дарить. И делал он это со щедростью истинного таланта. Люди радовались каждой встрече с ним, потому что она делала нас немного лучше, светлее, хотя ни он, ни мы не задумывались над этим.

Он просто отдавал нам то, чем одарила его природа и судьба.

Борис Гребенщиков говорил:

"У некоторых сердце поет,
у некоторых — болит".

Сердце Юры и болело, и пело. И после ухода Артиста мы продолжаем

слышать сердцебиение Таланта в его строчках, в своей памяти, благодаря судьбу за встречу с ним.

Когда я завершал работу над этим материалом, на столе лежал томик Владимира Рецептера, в котором поразили своей точностью и созвучностью теме стихи:

Актерский цех, неистребимый цех,
Рисковое, непонятое племя,
Ему дороже хлеба был успех
И в прошлое, и в нынешнее время!

Охальники, певцы, говоруны,
Искатели опасных приключений —
Все от рождения приговорены
К публичной казни перевоплощений.

Они уйдут в дороги и в века,
Чтоб песнями и ладными речами
Толкать к хорошей жизни бедняка,
Гнать богача картонными мечами,

Чтоб их не сочиненная игра
Была б до слез или была б до смеха,
Чтоб раздавать целковые добра,
Беря взамен полushками успеха.

Это же и о Юре Дынове: "...раздавать целковые добра, беря взамен полushками успеха".

Он ушел из жизни пять лет назад в далеком Ричмонде, где надеялись, но не смогли помочь ему. Он остался в нашей памяти.

